

Ат-Таухиди

**«КНИГА УСЛАДЫ И РАЗВЛЕЧЕНИЯ»
НОЧЬ ПЕРВАЯ (6)**

В первую ночь явился я, о Шейх (Абу Вафа') (7) (даст Бог тебе долгих лет жизни), в общество визиря (8) (да укрепит Господь его в своей помощи и пошлет ему успех и покровительство), который приказал мне сесть. Его лицо предстало предо мной в первозданной простоте, будто от рождения он не сдвинул своих бровей. Его речь, серьезная, как в радости и в шутке, так и в гневе, плавно переливалась драгоценными, изящными речениями.

И сказал тогда визирь (плавной и изящной была его речь): не раз я спрашивал о тебе нашего Шейха Абу ал-Вафа', который сказал мне, что ты с его стороны навещаешь дом больных. Я высоко ценю это и, может быть, предложу тебе нечто более достойное и полезное (9). Уже только поэтому я давно и с нетерпением в душе жду встречи с тобой, чтобы вкусить интересных бесед и разузнать от тебя о том многом, что с давних пор крутится у меня на уме. Однако я не буду разбрасываться вопросами сию минуту, но открою тебе их постепенно, понемногу при каждой встрече, вспомнится ли это, или сами по себе они возникнут. Ответь мне, пожалуйста, на все мои вопросы, не умалчивая ничего, сохраняя трезвость и спокойствие ума, приложив к тому все силы его. Брось в этом нарочитость багдадцев, не засоряй свой слог. Не сужай свой взор, не обедняй свой ум. Не бойся, подобно трусливым слабакам. Не загоняй себя в рамки ограниченных глупцов. Будь решительным в речи. Не скупись, если описываешь, и будь правдив, если передаешь не свои слова. Говори последовательно и раздельно, но не тогда, когда подобало бы промолчать либо сказать все одним разом. Однако что может быть лучше слов первого из поэтов:

*Увидь и в сомнениях мудрость,
Она чистоту и справедливость блюдет,
Знай, уйдет она, если не встретит ее подозрение,
При сомнениях сильном и раздвоении мысли уйдет.*

Также один из первых [поэтов] сказал:

*Думать о трудностях — удел мужчин,
Сомнениями они полны, ибо пытаются что-то знать.*

Уясни себе, я буду руководствоваться тем, что от тебя услышу, будь твой ответ искренним, а вопрос мой противоречивым, будь твой ответ искаженным, а вопрос — вызывающим сомнение.

Тогда я сказал: все, на что я соглашусь, будет помощью мне в том, что от меня требуется. В противном случае, если ты этому воспрепятствуешь, я отступлюсь. Если я отступлюсь, мое красноречие померкнет и не будет тем, что от меня ждут. Боюсь, что это ни к чему не приведет. Я уже сыт по горло лицемерием. Какой раз меня безжалостно бьет разочарование. [В этот раз] я все силы брошу на это предпрятие.

Он сказал (да хранит Господь его душу): скажи (даст Бог тебе здоровья) то, что ясно представляешь в уме. Ты будешь отвечать требованиям, пока гарантируешь достижения той цели, которую мы в тебе видим.

О, было бы мне разрешено обращаться с тобой на *ты*, будто на приятельской встрече, — сказал я, — лишь бы избавиться от величавости обращения и стесненности намека и встать на ровный путь речений, позабыв о предосторожности, избавиться от греха и страха.

Да будет тебе то дозволено, и не только тебе, — сказал он. — А что до того, чтобы обращаться на *ты*, будто при личной встрече, то ведь и Господь Всевышний, при всем его высоком могуществе и власти его над всем и всеми, к нему мы не иначе как *ты* и обращаемся. И если бы обращение в третьем лице имело бы некоторое превосходство и почтение, [отражало бы] мощь и высокое положение, [имело бы] сакральный смысл и [было бы] хвалой, то Господь был бы первым, кто этого достоин. Помимо него и пророк (да поприветствует его Господь и благословит) и пророки до него (мир им), его сподвижники (да будет Бог доволен ими) и его благочестивые последователи (да будет Всевышний к ним милосердным), а также и Праведные халифы. Ведь говорили одному из них: о Омар (10), повелитель правоверных, да укрепит *тебя* Всевышний, да будет *тебе* польза божья. И никто этого не порицал, никто от этого не отказывался, ни знатный, ни богатый, ни важный, ни благородный, никто этого не считал зазорным. Я действительно дивлюсь тому народу, который это и ему подобное считает низким, что сие есть унижение и порок, пренебрежение и издевательство. Я думаю, причина тому присущая их душам слабость и немощь, их неполноценность, незначительность, хилость и подлость. Ибо полагают они, что самовозвышение и возвеличивание закроют их порок, будто упорством удастся им изгнать этот недостаток. Увы, не будет власти, пока она не сбросит с себя позор высокомерия и не очистится от уродства высокого самомнения и гордыни.

О визирь! — сказал я. — Мне приходилось общаться с учеными и служить знатным людям. Я знаю, как они говорят, как они поступают, и что ими движет. Но прежде не слышал об этом в такой прекрасной форме, четко и доступно, не слышал прежде таких ясных доводов. Как говорили праведные предки: «Возвышаться над остальными можно лишь настолько, насколько ниже будешь ты выше тебя стоящих». Скромность есть лекарство для души и качество тех, кто обладает здравым разумом, как в брэнном, так и в ином мирах. Так, Ибн ас-Саммак говорил Рашиду, удивляясь деликатности и внимательности последнего, когда давал он ему назидания, удивляясь ясности его ответа и быстрой слезе, вспыхнувшей на его щеке от тех назиданий: «О, повелитель правоверных! Твоя скромность еще более делает тебе чести. Думаю, одна твоя слеза смогла бы потушить целые долины, объятые пожаром, принеся на них мир и прохладу».

Здесь есть некоторые расхождения, — сказал визирь. — Здесь мы вернулись к ждущему своего разрешения вопросу. Будучи результатом усилий разума, он (вопрос) в равной степени послужит мне (в дальнейшем) в звучной беседе, в сгрудившихся словах (прозе) и сладкой речи (поэзии), он послужит соединению ее частей в соответствии с правилами обычной и рифмованной прозы (в поэтике). Здесь я отстраняюсь от грубого притворства и приближаюсь к скрытой любезности. Богоборствующий Зу ар-Румма говорил:

Ее кожа подобная шелку, а ротик у нее такой нежный —

Не болтает он слишком много, но и не говорит слишком мало (11).

В отрочестве вместо «редкостей» я говорил «обещания» (12), что было виной моего преподавателя. В Ираке же мне сказали: это произносится не так. [Вот и здесь:] Ал-Кутами на хорошем арабском в таких словах воспел женщин:

Они разбрасываются словами, которым они окропляют водоемы от уст жаждущих (13).

На это я ответил: Халед Ибн Сафуан (14) говорил, когда его спросили: не утруждает ли тебя этот разговор (хадис: «нечто новое»)? — Тяжко «нечто старое» (15) ('атик). Беседа (хадис) разумного всегда радует чувства (хисс) (16). Поэтому к ней так стремятся женщины и дети.

После чего [визирь] продолжал: какова польза им от разума? Ведь у них его нет.

На что я ответил: есть разум от силы (пассивный) и разум от действия (активный). У них же разум один — от силы (пассивный). Утверждают, что есть нечто среднее, разум, устанавливающий между действием и силой. Если таковой проявится, то таковой разум будет активным. Если он укрепится, то достигнет своего развития (17). Из-за большой потребности во всякого рода беседах (хадис), в него всегда вложены ложь и уловки, дивное и смешное, что не ведет к какому-либо разъяснению и прояснению, подобно книге «Тысячи сказок и суеверий» (18). Чувства ведь всегда являются причиной непомерности в рассказах о событиях (хадис), новейших происшествиях (мухдас) и в преданиях (хадис), потому что след их еще не остыл во времени и оно всегда интересно [слушающему]. Поэтому некоторые предки говорили: беседуйте с их душами (душами женщин и детей), ибо они быстро портятся. Будто они тем хотели сказать: очистите их от налета [времени] и сделайте их пригодными для передачи (вадаи) добра. Потому как если они испортятся (дисар), покрывшись непроницаемым слоем времени, то это все равно, что накидка (дисар) (19) сверх рубашки — не будет от того никакой пользы. Подлинного же преклонения и возвеличивания достойно то, чей след уже затерялся во времени (кадума) или в вечности. Золото, рубин и подобные им драгоценности подобны тому, что сохраняется, пока сохраняются основы их, во времени, ибо по прошествии столетий выглядят первозданными и век которых будет длиться весьма долго. То, что пришло к нам из вечности, то это разум, душа, природа. Вселенная же с ее светилами в причудливых созвездиях в неизведанных ее просторах взяли от вечности божественную форму, и обновляя облик того, что уходит со временем.

Осталось разобрать определения «древний» ('атик) и «ветхий» (халак), — сказал визирь.

В ответ я сказал, что слово «древний» ('атик) употребляются двояко. Иногда под ним подразумевают «щедрость», «красоту» и «величие». Это есть в языке арабов. Например, говорят: «величественный дом» (ал-бейт ал-'атик). Второе значение — «старое с неизвестных нам пор». В выражении же «освобожденный раб» кроется первое значение, потому что раб стал более почтенным (*страд.* укрима), тем он возвысился от рабства. Он стал «почтенным» (карим). То же и в выражении «старое лицо» (ваджх 'атик). Природа сгладила черты уродства и безобразия. Так же и в выражение «породистый скакун» (фарас 'атик).

Что же до предложения: «это — ветхая (халак) вещь», то у слова «ветхая» тоже два значения. Первое — это «ветхость материи», второе — «то, чье время уже сочтено». Как-то раз Ибн ‘Аббад по некоторому поводу сказал своему секретарю (я имею в виду Ибн Хасулу): да, мир «древний» (‘атик), но не «старый» (кадим, «изначально предшествующий»), ибо если бы он был «старым» (кадим), у него бы не было начала. А так как он «древний» (‘атик), то начало у него есть. Поэтому про Господа Всевышнего говорят — он «изначально предшествующий» («стар», кадим). С этим никто не спорит. О том я спрашивал мудрых богословов, на что они мне сказали: мы не видели сие в книге Бога Всесильного и Всемогущего и не видели этого в словах в его пророка (помолитесь Господь за него и благословит), и не видели в предании сподвижников Его и последователей. Тогда я спросил имама Абу Са‘ида ас-Сирафи (20): известно ли арабам значение «старый» (кадим) как «нечто, у чего нет начала»? Он сказал: то правильно, но неизвестно, от них ли это пришло к нам. Когда арабы говорят: «старая вещь», «старая постройка», [оказывается,] их воображение пускается в поиски далеких, безначальных времен.

Скажи мне (в твоей речи было то, чего нужно доискаться): какова связь между случаем (хāдис), новым, происшествием (мухдас) и рассказом, преданием (хадис)? Случай (хāдис) обнаруживает сам себя, «новое» обнаруживает себя только в сравнении с тем, от чего оно отличается своей новизной. А «речение» подобно звену между ними, оформляя сказанное в рамках времени.

Тут есть еще одна вещь, — сказал я, — «случающийся» (хадсан) и «во времена» (хидсан). Что касается первого, то оно употребляется в том случае, когда говорится о чем-то, сопутствующем настоящему времени (21). Второе же из них будто всего-навсего предлог обстоятельства времени. Потому как говорится: было то-то и то-то «во времена» (хидсан) такого-то, наследника князя, то есть «в начале, ранее». Такая же неразбериха со «случаем» и множеством его: «случаи», «происшествия», «обстоятельства» (22). Есть еще и такое значение: некто «слуга» королей (хидс мулук). И все это из одного из одного и того же корня (диван вахид, вад вахид, сабк вахид).

Тогда визирь сказал: какова же разница между «рассказать» (ха-да-са) и «быть новым, возникать» (ха-ду-са) (23)?

Нет между ними никакой разницы, — сказал я, — за исключением того, что «быть новым» (ха-ду-са) это то, что следует за старым, ибо говорят: его интересует все новое (ма ха-ду-са) и старое (ма ка-ду-ма). А когда говорят человеку: скажи (хаддис) об этом, — то подразумевают — свяжи это со временем, и пусть это будет при нем в положении, в коем оно не было прежде.

Тогда я снова вернулся к этому разъяснению и продолжил: [здесь] полезным было бы то, что составил Абу Зейд (24) в виде трактата, приятного по форме и объему, полного полезной информации, объединило науку и философию, а также предания (25) о пророке. Сие он перечислил, тщательно изучил и сообщил об этом в законченной форме.

Тогда он сказал: доставь мне сие и возьми за него. И не склоняйся к скупости в этом, подобно нашим общим «сухим» товарищам.

Я сказал: слушаюсь и повинуюсь!

Затем я поведал об ‘Абд ал-Малике бен Марване (26), который говорил некоторым его собеседникам: все я успел и всякой цели достиг. Единственное, что мне пока не удалось, — это поговорить (мухадаса) с «Братьями [чистоты]» на пыльных холмах цветущей ночью.

Еще лучше сказал ‘Омар бен ‘Адб ал-‘Азиз (27): Клянусь Всевышним, возможность беседовать с ‘Обейдаллой бен ‘Абдаллой бен ‘Атабой бен Мас‘удом (28) я приобрел бы за тысячу динар из казны мусульман. В ответ на что его вопрошали: О повелитель праведных! Неужели ты говоришь, будучи сдержанным, осведомленным и в ясном рассудке? — Куда эти деньги пойдут с вами? Вот от его мнения, совета и наставления я выиграл бы тысячу тысяч таких динаров. Поистине, ведь в диалоге (мухадаса) ум опыляется, отдохновение для сердца, освобождение от забот и совершенствование морали.

Прав был тот имам в этом определении, — сказал визирь. — Все в нем упомянуто.

Я слышал от Абу Са‘ида ас-Сирафи, — продолжал я, — что Ибн ас-Сирадж (29) говорил: болевший и скончавшийся позже от болезни Ибн ар-Руми (30), которого мы зашли проведать, так сказал:

Все мои цели померкли,

Будто лучшая из них была наипрезреннейшей.

И лишь беседа (ал-хадис) и диалог всегда были,

Точно имя их — «свежи» и «новы» (хадис).

Сулейман бен ‘Абд ал-Малик (31) говорил: всех скакунов оседлали, красавиц видели немало, вкушали мы от лучших угощений, носили лучшие покровы. Все это вдоволь было у нас. Но ничего более теперь не требую, как хорошего собеседника (джалис), что избавит меня от сдержанности, поведаст о том, что приятно будет слышать, что порадует сердце. Точные слова, точнее некуда. Телу и душе свойственно уставать. Тело, если утомилось, требует отдыха. Так же и дух, если им овладевает скука, требует отдохновения [в диалоге]. Тело непременно должно черпать отдых и пользу в полном спокойствии от постоянного движения, приносящего усталость и раздражение. Также и душа должна требовать отдых, если ее давит постоянная, сковывающая скука. Тело ведь грубое, по сравнению с душой, поэтому его видно взором. А душа есть тонкая материя тела, поэтому воспринимается только разумом. Душа есть чистота тела. Тело же затмевает душу (32).

Молодец! Прекрасные характеристики! — сказал визирь. — Мне также понравилось твоё радение за твоего шейха, Абу Са‘ида (ас-Сирафи). Не каждый бы разрешил и потерпел бы такое в подобном случае. Настало время последних слов (33) перед тем, как мы расстанемся и встретимся следующей ночью и поговорим о других забавных вещах.

Как рассказывал мне Ибн Сайф ал-Катиб, — сказал я, — будто видел, как пригласил Джохза (34) строителя, чтобы тот поставил ему стену. И явился строитель. Вечером он потребовал плату. Тут они начали спорить о цене, ибо строитель потребовал 20 дирхам. Тогда Джохза сказал: дорогой, ты работал всего полдня и требуешь 20 дирхам за это! На что тот сказал: как же ты не понимаешь! Я построил тебе стену, которая будет стоять сто лет! Пока они препирались, стена

с грохотом обвалилась. Это ты называешь хорошей работой? — сказал Джохза. А ты хотел, чтобы она тысячу лет стояла? — сказал он. — Нет, но она стояла до тех пор, пока ты не получил плату. Визирь рассмеялся. Да продлит Господь его радость.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) ‘Али б. Мухаммад б. ал-‘Аббас (922/932, Нишапур — 1023, Шираз), прозванный «Таухиди» по сорту фиников, которыми торговал его отец, — средневековый арабский философ и литератор, служивший в канцелярии визирей в Рее (972—980 гг.) и Багдаде в качестве переписчика, с 985 г. жил в Ширазе. Среди его учителей были многие выдающиеся ученые своего времени, такие как Абу Са‘ид ас-Сирафи (ум. 979 г.) и Абу Сулеймана ас-Сиджистани ал-Мантики (ум. 985 г.).
- (2) Абу ‘Осман ‘Умр б. Бахр б. Махбуб б. ал-Кинани Басрийский (781—869, Басра) — один из наиболее выдающихся арабских писателей за всю историю арабской литературы, «имам арабской словесности», прозаик-мутазилит, прозванный Джахизом («пучеглазым») за свою некрасивую внешность. Автор знаменитых «Бестиария» (книги о животных в 13 тт.), «Книги скупых», а также первого профессионального трактата по литературной критике «Книга красот речи».
- (3) Труды на долгое время забытого философа долгое время не находили должного отклика и оценки в научной литературе. Только спустя столетие ат-Таухиди будет посвящена обширная статья в «Энциклопедии литераторов» историка-энциклопедиста Якута ‘Абдаллы ал-Хамави (1178—1225), которому мы обязаны обширными знаниями о биографии философа и определением его места в историко-философском контексте X и последующих веков.
- (4) Из сохранившегося наследия ат-Таухиди нам известны такие произведения, как «Послание о дружбе и друге», «Вопросы и ответы» (философская полемика), «Книга божественных указаний» (отразившая влияние суфизма), «Послание о жизни», «Послание о науке каллиграфии», памфлет «Нравы двух визирей» (о визирях Ибн Аббаде (ум. 995 г.) и Абу ал-Фатхе ибн ал-Амиде (ум. 976 г.)), «Прославление ал-Джахиза», «Вестник радости и литературные сокровища», «Послание о науках» и главный философский труд «Приобретенные знания».
- (5) Из суфиев решающее значение на ат-Таухиди оказали труды ал-Бустами (ум. 857 г.), ал-Мухасибии (ум. 857 г.), ал-Макки (ум. 910 г.), ал-Джунайда (ум. 910 г.). В своем несохранившемся труде «Книге о духовном паломничестве» ат-Таухиди даже снискал славу одного из трех самых опасных отступников (зиндик) за близость его взглядов с учением суфия ал-Халладжа. Известно также влияние исмаилитской доктрины «Братьев чистоты» на взгляды философа [2. С. 257].
- (6) Перевод осуществлен по изданию: Ат-Таухиди, Абу Хаййан. «Книга улады и развлечения». Бейрут, 2009. С. 43—47. Перевод данной части «Книги» на русском языке публикуется впервые. Из всех остальных глав произведения на русский переводились только 6, 7 и 8. См. соответственно: Фролов Д.В. Абу Хаййан ат-Таухиди. «Книга улады и развлечения». Шестая глава // Народы Азии и Африки. — 1984. — № 5. — С. 100—110; Абу Хаййан ат-Таухиди. Об арабах и персах // Народы Азии и Африки. — 1985. — № 4. — С. 69—79 (продолжение шестой главы); Абу Хаййан ат-Таухиди. Диалог о счетоводстве и сочинительстве (из «Книги улады и развлечения») // Вестник МГУ. Серия 13. «Востоковедение». — 1996. — № 2. — С. 67—72; Абу Хаййан ат-Таухиди. Диалоги (Из «Книги улады и развлечения») // Восток — Запад. Исследования, переводы, публикации. — М.: Наука, 1988. — С. 40—85.
- (7) Автор обращается к Абу Вафе’ ал-Бузаджани (Мухаммад б. Мухаммад б. Яхья б. Исма‘ил б. ал-‘Аббас (940, Бузаджан — 986/998, Багдад)) — величайший арабский математик

- тик, вероятно, персидского происхождения. Именно ему принадлежит заслуга в знакомстве ат-Таухиди с визирем Ибн Са‘даном ал-‘Аридом, которое состоялось в 980 г.
- (8) Абу ‘Абдалла Ибн Са‘дан, высокопоставленный багдадский чиновник, визирь Самсам ад-Даули в Багдаде с 983 по 985 г. (года своей казни), получивший прозвище ал-‘Арид (букв. «смотрящий») из-за должности военного инспектора. Организатор меценатского кружка при дворе, гостями которого были образованные философы и литераторы, в том числе ат-Таухиди.
 - (9) Известно, что по просьбе ат-Таухиди визирь «оказал покровительство больному проказой философу Абу Сулейману ас-Сиджистани (по прозвищу ал-Мантики — «логик»), с которым ат-Таухиди постоянно встречался и содержание разговоров с которым передавал визирю». Его приверженность неоплатоническому учению была известна всем и, очевидно, решающим образом повлияла и на философские взгляды ат-Таухиди [2. С. 255].
 - (10) Омар Первый ал-Хаттаб — второй Праведный Халиф (584—644).
 - (11) Строки «последнего бедуинского поэта» Гайлана б. ‘Укба по прозвищу Зу р-Румма (696—735, букв. «владеющий веревкой», ибо своему мастерству он якобы был обязан амулету, который носил на шее), панегириста, певца бедуинских женщин, мастера т.н. урджужной поэзии [2. С. 196].
 - (12) Игра слов. В оригинале визирь признается, что раньше произносил и слышал слово назр через [ð], что значило в его словах «обещание», в то время как произнесение с [z] означает «малая, незначительная вещь».
 - (13) Строки из панегирика поэта доисламской эпохи ал-Кутами. Приводятся в качестве примера правильного употребления фонемы [ð], т.к. в предыдущих строках из Зу ар-Руммы визирь признается в том, что он неверно воспринимал фонематический состав слова «назр» в значении «немного». Основной смысл: женщины говорят бессмыслицу.
 - (14) Халед б. Сафуан б. Абдалла б. Амир ал-Ахтам (ум. 752, Басра) — передатчик исторических, мемориальных и поэтических преданий, славившийся своим красноречием, построенным на игре слов, аллитерации, остроумных ответах. Согласно ал-Джахизу, проповеди и другие свои речи он часто снабжал как расхожими выражениями, так и известными бейтами из стихов, так что никто не приписывал ему ни единого слова.
 - (15) В оригинале употреблен субстантив «древнему» (суц.), значение которого визирь требует разъяснить ат-Таухиди в следующем пассаже.
 - (16) Пример излюбленной Халедом б. Сафуаном (ум. 752 г.) игры слов, которая в данном случае в основе имеет антонимию хадис («разговор» и «нечто новое») и атик («древнее», «скакун, лошадь»). Разговор логически нельзя противопоставить скакуну. Но в парадигматические (антонимические) отношения вступили другие легко домысливаемые в арабском языке значения: «нечто старое» (хадис) — «нечто новое» (атик), что восполняет логику противопоставления: наскутить может что-то старое, уже знакомое.
 - (17) Данный пассаж семантически отражает основное положение учения неоплатоников о познании.
 - (18) К такому выводу автор приходит после того, когда в качестве ответа использует сначала игру слов (отвечая на уровне вторых, ассоциируемых значений), а затем логическое рассуждение об активном и пассивном разуме, доказывая недоказуемое — пассивный легко становится активным посредством «среднего между ними разума», имея в виду то, что и то и другое может в равной степени служить риторическим целям. «Книга тысяча сказок и суеверий» упоминается у Ибн Надима под персидским названием «Хизар Афсан» (как оно передается и ат-Таухиди в тексте).
 - (19) Игра слов: «дисар» многозначно, оно имеет такие значения, как «исчезновение», так и «накидка».
 - (20) Абу Са‘идом ас-Сирафи — авторитетный багдадский грамматист, участник спора с Абу Башром Магтой о логике и грамматике, который состоялся в 932 г. в Багдаде и в котором он, как представитель Багдадской грамматической школы, отстаивал положение о том, что грамматика арабского языка и есть его логика (ан-нахву мантикун ‘арабийун).

- (21) В первом случае имеется в виду причастие — «случающийся» (в настоящем времени); во втором — зарф заман.
- (22) Визирь просит ат-Таухиди прояснить разницу в различии форм множественного числа слова «хадас» — «случай», «происшествие».
- (23) Ат-Таухиди вновь берется за толкование омонимов корневого лексико-грамматического комплекса «ха-да-са».
- (24) Абу Зайд ал-Ансари — выдающийся арабский грамматик и лексикограф Басрийской школы, в своей «Книге редкостей» собрал разнообразный поэтический материал, редкие поэмы и выражения. В «Книге дождя» (второй сохранившейся книге) собрал все известные ему выражения, касающиеся этого природного явления.
- (25) Употреблены два различных названия мусульманских преданий, восходящих как к суннитской, так и шиитской традиции: «ахбары» и «хадисы» соответственно по тексту.
- (26) ‘Абдел Малик б. Мерван (646—705) — пятый халиф династии Омеядов.
- (27) ‘Омар Второй ‘Абдел ‘Азиз б. Мерван — пятый Халиф династии Омейядов (680—720).
- (28) Один из сподвижников пророка ислама, муфтий Медины, один из семи величайших факихов.
- (29) Арабский грамматист, под руководством которого продолжал свое обучение ас-Сирафи. Был одним из выдающихся руководителей Багдадской грамматической школы, обучал ал-Фараби арабскому и был его учеником в логике.
- (30) Абу ал-Хасан ‘Али б. ал-‘Аббас б. Джурджис (836—896) — шиитский поэт греко-персидского происхождения.
- (31) Седьмой халиф династии Омейядов рода Мерванидов (675—717).
- (32) Основной философский «инвариант» «Книги» являются отголоски неоплатонического учения о душе. Исследователь Ф. Джадан считает, что «Книга услады и развлечения» «способствовала пропаганде взглядов стоиков и других греческих философов на природу души» [3. С. 180].
- (33) Данный элемент, «концовка» (мулихха ал-вида‘) каждой главы-ночи станет традиционной в беседах ат-Таухиди с визирем. Именно ей автор будут завершать каждую небольшую главу «Книги».
- (34) Комический фольклорный персонаж.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ат-Таухиди, Абу Хаййан. «Книга услады и развлечения».* — Бейрут, 2009.
- [2] *Фильштинский И.М. История арабской литературы: X—XVIII века.* — М., 2010. — Ч. 1.
- [3] *Фролова Е.А. Рационализм и стойко-скептические мотивы в философии Абу Хайяна ат-Таухиди // Рационалистическая традиция и современность. Ближний и Средний Восток.* — М., 1990.

ABU HAYYAN AT-TAWHIDI'S «ENJOYMENT AND CONVIVALITY BOOK» IN THE CONTEXT OF THE MEDIEVAL ARABIC PHILOSOPHY

Mikhail S. Palenko